

Николай Брешко-Брешковский

**Книга, человек и анекдот
(В. Н. Унковский)**

Николай Николаевич Брешко-
Брешковский

**Книга, человек и анекдот (В.
Н. Унковский)**

«Интересная книга, интересный человек... Да и в анекдотах, пожалуй, недостатка нет.
Чем не анекдот, и жуткий, даже, трагический.
Война...»

**Николай Брешко-
Брешковский**

**Книга, человек и анекдот (В.
Н. Унковский)**

Интересная книга, интересный человек... Да и в анекдотах, пожалуй, недостатка нет.

Чем не анекдот, и жуткий, даже, трагический.

Война...

Санитарный поезд Имп. Александры Федоровны. Старший врач его, доктор Унковский, тот самый, которому мы с особенным удовольствием посвящаем эти строки.

Кто-же начальник этого поезда?

Полковник Рима́н, гвардеец, семеновец. В 1905 году его имя прогремело, как столь-же энергичного, сколь ж жестокого усмирителя «московского восстания».

Командир Семеновского полка, генерал Мин, спустя несколько месяцев, был застрелен двумя террористами. Такая-же расплата грозила и полковнику Рима́ну. Но, этот сухощавый, волевой офицер перехитрил тех, кто охотился за его черепом.

С паспортом на чужое имя, он исчез. Где он жил восемь лет, по каким ближним, или дальним чужбинам скитался, никто не знал, или, пожалуй, знали очень немногие.

Но, с первыми раскатами военной грозы, полковник Риман, так же неожиданно, как и исчез, появился в Петербурге, чтобы исполнить свой долг.

Он просился на боевые позиции, в ряды своих родных семеновцев, но высокие покровители его запротестовали самым решительным образом:

– Вас убьют в первом-же сражении, убьют, предательски, в спину, русской-же пулей... Убьют те, кому это не удалось «после Москвы»...

И, волею-неволей, Риман удовлетворился тыловой должностью начальника санитарного поезда.

Но, во дни «великой бескровной февральской» революции, когда полилась кровь защитников России, носивших погоны и эти погоны срывала обезумевшая чернь, полковник Риман таинственно и бесследно исчез и на этот раз.

Вообще, доктор Унковский много любопытного рассказывает о своей совместной работе с этим сильным, загадочным человеком.

Сам-же Унковский, целиком отдаваясь сво-

ему подвижному госпиталю, успевал помещать в бывших петербургских ж московских газетах талантливые корреспонденции «с театра войны».

Несколько лет спустя, эмигрантская волна, выплеснула его в Сербию, где он вскоре получил должность главного врача в пехотной дивизии.

С этой дивизией, доктор Унковский совершил легендарный по своим трудностям и нечеловеческой борьбе с природой, поход через всю Албанию к берегам Адриатического моря.

С обледенелых круч, где почти не ступала нога человека, снежные вихри с бешеным воем срывали палатки, срывали вьючных «магарцев», орудия, отдельных бойцов...

Увы, этот поход оказался более, чем безрезультатным: Лига Наций, комфортабельно заседавшая на безмятежном берегу Женевского Озера, увлекаясь «самоопределением народов», вынудила сербов очистить Албанию, где тотчас-же странный епископ Фан-Нолли помог большевикам создать коммунистическую базу для всего Балканского полуострова.

Армия демобилизуется. Сокращаются штаты – Унковский, сняв сербский мундир с полковничьими погодами, перекочевывает в Париж и работает у станка на заводе Рено. Но, и в этих условиях, он все же не выпускает из рук пера.

Обстоятельства складываются в его пользу: французские владения Центральной Африки, в частности Дагомея, нуждаются в знающих, выносливых, готовых жить в каких угодно условиях, врачах.

И, вот, Унковский проводит два года среди дагомейских негров и оттуда посылает в берлинскую газету «Руль» множество захватывающих корреспонденций.

Кончился контракт с французским правительством. Унковский возвращается в Париж, и теперь это уже человек – либеральной профессии. Никем и ничем несвязанный, он становится представителем харбинского журнала «Рубеж».

На его страницах он помещает большие очерки о русских писателях, артистах, общественных деятелях и, вообще, выдающихся людях.

В связи с этим, нельзя не отметить необыкновенную доброжелательность Унковского. К сожалению, далеко не всем эмигрантам свойственную. Каждый очерк его дышет любовью к России и мягким, бережным отношением к тем, кого он описывает.

Попутно, этот врач-журналист долго и тщательно работает над своим первым, на днях увидевшем свет, романом «Перелом».

Как не нуждается в ясном и точном определении слово «любовь», точно так же трудно заковать в тесные рамы слово «талант».

Можно писать прекрасным литературным языком, можно этот язык расцвечивать и глубиной и психологией и блесками содержания, но при наличии всех этих качеств, роман все-таки будет преодолеваться читателем не без труда.

Роман Унковского в один вечер проглатывается с начала и до конца. Написанный с благородной простотой, он увлекает, волнует.

Даже, при отсутствии «героя» в ходячем значении слова. Обыкновенный человек, даже серенький, даже, порою, нелепый. А он

близок вам, потому что написан во весь рост кистью подлинного мастера...

Унковский, видимо, пережил константинопольский этап российского беженства. Волшебная столица берегов Босфора изображена им с такой наблюдательностью, такой яркостью, что, право, вспоминаешь местами знаменитый роман Клода Фаррера «Человек, который убил...»

Тоже самое можно сказать и про дагомейские впечатления. Негритянские царьки, полу-колдуны, полу-министры и самые рядовые негры – это целая галерея живых, трепещущих персонажей со всем, что в них есть уродливого, смешного, отталкивающего и... трогательного.

Прочтите, непременно прочтите роман Унковского...

Фраскуэлло.